

Качели

...Вверх-вниз раскачиваются качели. То плавно, то быстро. Вверх-вниз. А во дворе никого, потому что весь город сотрясают разрывы снарядов. Нудно так, тоскливо воет война – у–у–у. Ломает, сжигает, уничтожает всё вокруг. Мирная жизнь, где ты? Далеко.

...За синими морями, бескрайними океанами в каком-нибудь Тридевятиом царстве тридесятом государстве. Где яркое солнце, похожее на апельсин. Ласковые тёплые волны. Они такие умиротворяющие. Тихо шепчут – ш-ш-ш. Ветер улёгся в пустой гамак, заснул. Пальмы плавно покачивают широкими изумрудными головами. Словно танцуют. «Тш-ш-ш, – шепчут волны. – Хорош-ш-шо».

...А где-то там, в городе, продолжают гроыхать день и ночь снаряды от «Градов. Нет. Это не те грады, которые сопровождают грозы и приходят с ливнями, шквальными ветрами. Те тоже опасные. Но те – стихия! А эти целенаправленны, а потому должны убивать и разрушать.

Вверх-вниз раскачиваются качели. То плавно, то быстро. Вверх-вниз. А во дворе никого. А качели ждут! Вот уйдет война. Прибегут на площадку дети. Будут раскачиваться и смеяться. Вверх-вниз. То плавно, то быстро. В небо – и на землю. К облакам – и домой!

Город обстреливают день и ночь. На прошлой неделе опять попали во двор: скамейки в щепки, разломали песочницы, разворотили клумбы. А качели остались! Уцелели и теперь терпеливо ждут ребятишек. Правда, пока на них качается ветер. Вверх-вниз. А во дворе никого. Даже птичек, собачек и котят нет поблизости.

– Грустно, – шепчут качели. – Где вы, дети?

– Они на Аллее Ангелов, – отвечает ветер. – Там. В парке. Их много. Они разных возрастов: от года и старше. Там малышка, которую мать успела прижать к груди, защищая от взрыва. Они лежали на газоне, а по синему небу плыли облака, унося их души высоко в небо. Я всё это видел! Это так страшно...

Небо заплакало дождём, а ветер прошелестел:

– И девочка 11-ти лет тоже там. Она погибла с папой. Они утром пили в кухне чай. Чашки так и остались стоять на столе, а люди? Их больше нет. На Аллее Ангелов много детей: мальчик, мечтавший стать футболистом; девочка, любившая петь; юный скрипач; маленькая художница. Они могли жить долго и счастливо. Любить и быть любимыми, растить детей, гулять в сквере с внуками.

Ветер умолк. Качели перестали раскачиваться. Раз, два, три... Прошла минута, а затем качели упрямо продолжили свою нехитрую игру: вверх-вниз. В небо – и обратно! Они ждали. Верили! Дети придут.

...Вчера качели слышали, как писатель, живущий в доме напротив, сказал: *«Когда все научатся любить в аду, станут ближе небеса»*. И ветер тогда согласился: «Возможно, что даже прекратятся все войны, наступит мир и согласие». «Надолго ли?» – нахмурились тучи. «Нельзя уничтожить такой сильный духом народ! – твёрдо произнёс человек и, прихрамывая, направился к скамейке. – Вот починю, и будет, где сидеть». Через полчаса из дома вышли соседи. Они, молча, кивали друг другу. Сказать «добрый день» и «здравствуйте» в такое время стало не принято. Какое тут здравствовать и какая доброта, когда третий год война.

Люди ёжились, прислушиваясь к грохоту орудий. Все устали гадать: «Когда опять прилетит?» Обсудив последние новости, соседи дружно принялись приводить в порядок двор. А вокруг грохотало и ухало. Война упрямо разрушала, народ угрюмо восстанавливал. Ветер хмыкнул: «Что я говорил! Эти не отступят...» Тучи недоверчиво наблюдали за происходящим со своей необозримой выси.

...Вверх-вниз раскачиваются качели. То плавно, то быстро. Вверх-вниз. А во дворе никого. Вчера к вечеру были прилёты. Двор разворотило сильнее прежнего. Попало и в дома. Стёкла на асфальте словно снег. А ещё щепки, куски кирпича. И опять воронки – глубокие и страшные. Сегодня во дворе никого. Опять много погибших. Только ветер одиноко бродит по двору, вздыхая и шелестя опавшей листвой. Да тучи прячут солнце. Не гляди на все это! Не стоит...

А качели? Ждут. А что им ещё остаётся? Они надеются и верят: вот уйдёт война. Прибегут на площадку дети. Будут раскачиваться и смеяться. Вверх-вниз. То плавно, то быстро. В небо – и на землю. К облакам – и домой!

Война приходит сразу

...Лето в разгаре. Полдень. За окном жарко. А к вечеру станет душно. Многоэтажка прогревается за день, а потом отдаёт тепло до 3-х ночи. Даже раскрытые окна не помогают.

Валентинка задумчиво сидела на подоконнике. Гулко громыхнуло. Это артобстрел, ставший обычным, но никак не привычным в их городе. Да разве можно к такому привыкать! Девочка всегда верила: *человек рождён для счастья. А в понятие «счастье» не входит, когда кого-то убивают.*

Арх-трарарах! Гах-гах... Бабахнуло несколько раз подряд. Город съёжился, растерянно замер, не понимая: зачем всё это? Разрушать, ломать, уничтожать, разбивать, калечить – и так уже второй месяц. А ведь поначалу девочке всё казалось праздником: жители города собирались на главной площади с транспарантами: «За мир!» и «Нет войне!» Из громкоговорителей звучала музыка прошлых лет. На плакатах были нарисованы улыбающиеся народы всего Земного шара, а под рисунком красовалась надпись: «Давайте, люди, дружить друг с другом!» И даже забытый с 90-х годов праздник солидарности всех трудящихся 1 Мая прошёл «на ура»!

Но внезапно всё изменилось. В город пришла война. Сначала загромыхало в аэропорту и на железнодорожном вокзале. Ух, ух, ух! Гулко бахали минометы. О-го-го! Вторили им снаряды от «Градов». Бах-бах! Отвечали танки. Заполыхала вокруг земля, гарью наполнился воздух, небо затянуло тёмными тучами. И девочке стало казаться: что-то страшное, неведомое и злое подступает к её любимому городу миллиона роз. Вот, ещё немного и скроет мрак всё, что ей так дорого...

Жалобно зазвенели стекла. Валентинка вздрогнула и еле успела подхватить леечку с водой для цветов, стоявшую рядом. Опять раскатисто ударили залпы: где? В каком районе сейчас прилетело орудие убийства и разрушения, созданное устрашать одних, а другим дающее право решать: кому жить, а кому погибать?

... Бой идет уже в городе. Ба-а-бах! Ух-ух. Трататах! У-у-у-у, фьюить, бух! Такое протяжное, тяжёлое и удручающее, что даже их дом, казалось, подпрыгнул с испугу на месте.

– Страшно, – тихо произнесла Валентинка, поёжилась, горько вздохнула.

– Что? – переспросила сестру Маруся, отнимая пальцы, которыми младшая закрывала уши при очень уж сильных разрывах снарядов.

– Война – это страшно, – пояснила Валентинка. – Слышишь, как бабахают! У меня, как у ёжика, – все иголки дыбом! И плакать почему-то хочется...

– Ага, – жалобно согласилась младшая. – Это у тебя стресс. Так мама говорит. На улице пусто?

– Никого, – нараспев проговорила Валентинка. – Ни народу, ни собачек, ни кошечек. Даже птички улетели... в мирные страны.

Стёкла в доме задребезжали.

– Ух, – вскрикнула младшая, испуганно заморгала и умоляюще попросила: – Слезай, скорее. Нельзя возле окна сидеть! Идём лучше в ванную! Там эти... как его... перекрытия бетонные. Если что...

Не дослушав, Валентинка, скатилась с подоконника, как стеклянный шарик-марблс с круглого отполированного стола. Присела под окном по самую макушку. Потом высунула любопытный нос:

– Это взрывная волна. Когда «Грады» стреляют – бежать надо в ванну или коридор. Когда из тан-

ков – на пол ложись, подальше от стёкол. Они хоть и заклеены скотчем крест-на-крест, но лучше не рисковать. А когда минометы, можно в комнате на полу сидеть.

– А сейчас что? – уточнила семилетняя Маруся. Она расположилась у большой гардеробной прямо на полу, подстелив только коврик. Рядом сидели любимые игрушки: две куклы, мишка, зайчик. Все они готовы были к срочной эвакуации. Рядом стояла большая плетёная корзина, в которую девочка собиралась их спасать, когда потребуется выбежать в подъезд, а потом в убежище.

– Не знаю, – буркнула двенадцатилетняя Валентинка. – Все сразу! Наверное...

– Нельзя так, – протяжно, не по-детски запричитала Маруся. – Нельзя! Они же взрослые. Должны понимать. Нельзя других обижать...

Ничего не поделать

Сестрёнки съёжились, слушая раскаты и громохания. Но это был не летний благодатный дождь с грозой, молнией и тёмными суровыми тучами. Это была подлая, злая, страшная война. И с этим пока ничего не поделать...

– Никого обижать нельзя, – мрачно согласилась Валентинка. Перебежками и почему-то пригнувшись, направилась к сестрёнке, сидевшей у открытой раздвижной дверцы гардеробной, чтоб в случае чего нырнуть в шкаф и закрыться от всего воюющего и злого. Эта странная привычка пригибаться появилась у них недавно. Девочки сами не понимали, зачем вжимают голову в плечи и стараются двигаться по дому и улицам бесшумно и стремительно. Что-то внутри заставляло их так делать. Это было не очень приятно (гораздо приятнее ходить с высоко поднятой головой, расправив плечи), но так уж сложилось. И не их в этом вина, что взрослые дяденьки «не доиграли в детстве в солдатиков».

Валентинка присела на пол, обняла Марусю:

– Потерпи. Скоро уже родители придут...

Младшая доверчиво прижалась к старшей, задумалась. Если до войны Марусю все считали непоседой, то теперь терпеливо сидеть и ждать девочка научилась.

– Посидим у гардеробной, – уговаривала то ли её, то ли себя Валентинка. – В ванную не пойдём...

– И на балкон нельзя! – подтвердила Маруся. – Когда снайперы работают, запрещается выглядывать даже из окошка. И шторы надо закрывать. Особенно вечером. А зачем эти снайперы стреляют по нам?

– У них своих детей нет, – спокойно, но сурово пояснила Валентинка. – Вот они не хотят, чтоб у других тоже были.

– О! – изумилась Маруся. – А, если всё же дети у них есть?

– Нет, – задумчиво проговорила Валентинка. – Дети появляются у тех, кто их любит.

– А, – кивнула Маруся. – Трудно, наверное, когда никого не любишь...

– Непросто, – согласилась старшая. Прислушалась. – Вроде тише стало?

– Скорей бы уже, – подхватила Маруся и жалостливо так заныла: – А то сиди дома. На улицу нельзя. Магазины закрыты. Подружки разъехались с родителями, кто куда. И зачем эту войну придумали? Скучно им, что ли, в мире жить?

– Не знаю я, – озадаченно протянула Валентинка. – А помнишь, прошлым летом, как здорово было играть на улице! На роликах с Димой и Колей наперегонки катались, и на велосипеде с Оскаром и Андреем.

– Ещё с Олесей и Ксюшей в резиночки играли, – радостно подхватила Маруся. – Потом с мальчишками Ренатом, Тарасом и Сашей мячик на площадке гоняли.

– И разноцветными мелками рисовали на асфальте, – мечтательно произнесла Валентинка. – А ещё в бадминтон играли, шалаш строили, концерт устраивали, классики рисовали...

– ...и танцы! – с азартом подхватила Маруся, у которой от всех этих воспоминаний сразу улучшилось настроение. – А показ мод, и кукольный театр для малышей, а прятки...

– *Прятки у нас сейчас каждый день*, – недовольно перебила Валентинка. Взглянула на погрузневшую сестренку и смягчилась. – Это ничего. Когда-нибудь эта война закончится.

– Баба Клава говорит, – сумрачно пробормотала Маруся. – Пока всех не перебьют.

– Слушай её больше, – нахмурилась старшая сестра. – Бабе Клаве и в мирное время никто не нравился. А сейчас и подавно. То ворчит, то бурчит. Хм, не зря её Колька с третьего этажа бормашиной призвал. Ж-ж-ж, аж зубы сводит от этой женщины.

– Ты, как папа рассуждаешь, – усмехнулась Маруся. – А когда они придут? Родители?
– Кто ж теперь разберёт, – по-взрослому развела руками Валентинка и гордо произнесла. – Папа в МЧС. Мама – врач. Они людей спасают, а не убивают. Это у них профессия такая!
– Ясненько, – вздохнула Маруся. – Спи, моя радость! (это она кукле Нине). Вот одеялко подоткну, тебе будет тёпленько. И подушечка у тебя синенькая, кружевная. Спи. Не слушай этих... злых дяденек. Они не любят деток. Поэтому и бабахают. Пугают...
Валентинка задумчиво сидела рядом, поглаживая сидевшего возле шкафа плюшевого медведя.
– А-а-а-а, – забаякала куклу Маруся.
– Замолчи! – заорала вдруг на сестру Валентинка. – И так тошно.
– Она так не засыпает, – захныкала Маруся. – Вот скажу маме...
– Лучше сразу папе, – резко предложила Валентинка. – Им проблем мало без твоих ябед.

Как все пели песни

Маруся насупилась, прижала куклу Нину и отодвинулась от сестры. Потом пообещала:
– Счас залезу в гардероб, дверь закрою, и сиди тут сама.
Валентинка озадаченно взглянула на сестру. Такая перспектива её не устраивала.
– А давай песни петь! – неожиданно предложила она. – Они бабахают, а мы поём!
– Давай! – повеселела Маруся и затаила: – «Вместе весело шагать по просторам...»
– «... И конечно, припевать лучше хором», – во всю мочь вторила Валентинка.
Бабах! – донеслось с улицы. Сестрёнки прижались друг к другу и хором завопили: «От улыбки станет всем светлей!»

Стёкла звенели, многоэтажка периодически подпрыгивала, жители укрылись по домам и подвалам – бои в городе разгорались с новой силой.

Стараясь перекричать гром и канонаду орудий, Маруся вопила: «Если добрый ты – это хорошо, ну, а если нет – плохо» (знакомая с детства песня про кота Леопольда никак не вспоминалась, и девочка решила интерпретировать её по-своему).

Прошло полчаса. Перебраны были уже все любимые детские песенки о добре, дружбе, улыбках, мире. А за окном по-прежнему бухало, бабахало, выло... Это свирепствовала война, унося чьи-то жизни.

...А дети пели. Вспомнили они «Крейсер «Аврору»», «Облака, белогривые лошадки», «Добрый жук» как-то не пошел (вставить в круг при такой встряске вокруг – просто не очень хотелось!), потом была песенка Забавы – «Ах, если бы сбылась мечта моя!» Её Валентинка переделала по-своему, громко выводя: «...сбылась мечта моя-а-а-а, и мир скорей настал». Марусе очень понравилась такая переделка. И девочки затеяли Молитву-игру, где все детские песни призывали взрослых к Миру, Дружбе, Улыбкам, Добру и Любви!

...Тем временем в аэропорту продолжало гроыхать гулко и страшно. Словно огромный молот опускался на притихший, грустный город и, вбивая огромные бетонные сваи в самое его сердце, безжалостно разрушал всё вокруг, сея хаос.

А дети пели «Антошку», «Кузнечика в траве», «Ох, рано встаёт охрана»...

«Грады», гаубицы, «самоходки» наперебой извергали снаряды, разрушавшие красивые улицы и уютные скверы, величественные театры и старинные музеи любимого города. Ломали остановки, взрывали асфальт, пробивали дома, уничтожали транспорт. Никого не щадя, ни о чём не жалея. Больницы, детские площадки, парки, школы полыхали в огне и дыму. Покорёженные и перевернутые вверх дном автомобили, вывороченные фонари, разлетевшиеся вдребезги, как осколки стекла, дворовые скамейки, столь любимые бабушками и ребятнёй.

«Миру – мир! Нет войне!» – второй час скандировали дружно две маленькие девочки свое заклинание – заговаривая войну уйти, оставить их город, вернуть Счастье и Благополучие в семью.

Наконец, Валентинка, у которой уши были зажаты ладошками не так крепко, как у Маруси, услышала, что в дверь трезвонят. Она вскочила, убрала ладони от ушей и легонько потрясла младшую:

– Слышишь?

– Ага, – не вынимая пальцы из ушей кивнула Маруся. – Бабахают!

– Пальцы вынь! – строго приказала Валентинка.

Младшая всё прочитала по губам и с готовностью исполнила просьбу. Ей самой уже надоела эта жизнь с пальцами в ушах.

– О! – удивленно проговорила Маруся затем. – И в дверь звонят! Гроооомко...

Девочки крадучись, на цыпочках отправились в прихожую.

– Тсссс! – приложила палец к губам Валентинка. Будто тишина имела сейчас какое-то значение. – Посмотрим в «глазок».

– Ну, – нетерпеливо теребила её Маруся. – Кто там?

– Соседи, – удивилась Валентинка. – И чего им дома не сидится в такое время?

В дверь опять позвонили. Потом ещё. И ещё!

Наконец, девочка решила и неторопливо открыла замок, перед этим уточнив:

– Бабушка Клава, это вы?

– Я, – раздраженно завопила та из-за двери. – Что у вас такое стряслось?

– Почему кричим? – Андрей Ильич, её муж, с любопытством заглянул в полуоткрытую дверь.

– Мы даже поначалу не поняли, – тараторила бабушка Клава. – Все разъехались...

– Разбежались, – солидно уточнил Андрей Ильич.

– Да, ну тебя! – отмахнулась от мужа соседка. – На площадке жильцы: только вы да мы. Тут этот грохот, мы с дедом даже не разобрали сперва, где орут?

– Мы не орём, – грозно перебила Маруся.

– Что-о-о?! – возмутилась привередливая бабушка Клава.

– Поём, – вежливо уточнила Валентинка. – Мы поём.

– Чтоб не страшно, – серьёзно поддержала сестру Маруся.

Соседка растерянно заморгала. Дед Андрей угрюмо потёр затылок. Вздохнул и вдруг разрешил:

– А пойте!

– Может, к нам пойдём? – вдруг вкрадчиво предложила соседка. – А, хотите, мы с вами посидим?

– Мы большие, – в один голос ответили девочки. – Спасибо! Справимся.

Такая соседка перед ними предстала впервые: добрая и огорошенная. Дедушка Андрей вздохнул:

– Молодцы. Если что, мы рядом. За стенкой...

Поговорив с соседями, девочки вернулись в детскую. Стало немного потише. Валентинка прокралась на кухню и принесла сладкую булочку (напополам) и чаю. Правда, он уже остыл, но всё равно был вкусным. Кукла Нина благополучно уснула. Валентинка достала любимую книгу Сергея Козлова «Про ёжика и медвежонка». Увлёкшись, девочки не заметили, как летит время. Уже в пятом часу Маруся вспомнила:

– А когда родители придут?

– Скоро, – успокоила Валентинка.

И тут опять началось. За окнами бабахало, выло, гремело, дрожало. Землетрясение. Ураган. Вихрь. Вулкан. Всё в одном флаконе.

Притихшие девочки подальше запрятались в гардеробную. Дверь, правда, не прикрывали. Чтоб удобнее в ванную бежать! А там и в коридор. К соседям! Те же разрешили.

У-у-ух! Взззз. Бух, бух, бабах...

– Поём? – прошептала Маруся, от испуга закрыв руками глаза, а не уши.

– Поём! – величественно и громко согласилась Валентинка. Высунулась из гардеробной, приосанилась и...

– А какую? – приободрилась и Маруся.

– Помнишь, на параде 1 Мая! Все пели и улыбались, – напомнила сестрёнка. – Правда, я только начало знаю: «Широка страна моя, родная...»

Маруся кивнула, и сёстры громко, хором, торжественно, на всю квартиру, а также весь усталый, потерявший надежду город, запели: «Широка страна моя родная...»

И тут, перекрывая гул орудий, донёсся из-за стенки бас Андрея Ильича:

– «Много в ней лесов, полей и рек...»

И звонкий, какой-то девичий бабы Клавы голос:

– Я другой такой страны не знаю...

– ...где так вольно дышит человек! – сразу вспомнив весь куплет, радостно и гордо пропели сестренки.

... Война не ушла. Она даже не испугалась. А люди стали другими.